

В мае в Большом зале консерватории в исполнении камерного оркестра «Московия» и хора имени Свешникова запредельно прекрасно прозвучал «Реквием» Моцарта. Дирижировал Эдуард Грач – замечательный российский скрипач, дирижер, педагог. В его «кошмаре»: звание «Народный артист СССР», орден «За заслуги перед Отечеством», а газета «Музыкальное обозрение» дважды назвала его лучшим педагогом года (1995 и 2002 гг.). Но важнее то, что любовь публики он делит со своим камерным оркестром «Московия».

– Дело в том, что я не набираю в свой оркестр людей по конкурсу. Здесь только мои ученики. И, несмотря на то что многие из них становятся потом лауреатами международных конкурсов, солистами филармонии (8 учеников Грача – солисты Московской государственной филармонии, 10 из тех, кто перешел в состав «Московии» – лауреаты престижных музыкальных конкурсов. – Прим. ред.), они играют у меня и как оркестранты, и как солисты.

– Эдуард Давидович, получается – оркестр из одних солистов?

– Именно. У нас есть, например, абонемент в Малом зале консерватории «Эдуард Грач и его ученики». И там 11–12 солистов сменяют друг друга. Причем они сидят в оркестре и играют! Представляете, как сложно тем, кто выступает в конце, – они до этого аккомпанируют всю программу, сидят, волнуются...

– То есть слабонервных выпускаете в начале?

– Нет, я воспитываю силу воли. Сдаются нервы? Не надо играть тогда!

– Ваши ученики так успешно выступают на конкурсах потому, что у них есть «тренировочная площадка» – Конкурс имени Ямпольского, который вы организовали?.. Говорят, там жесткие условия...

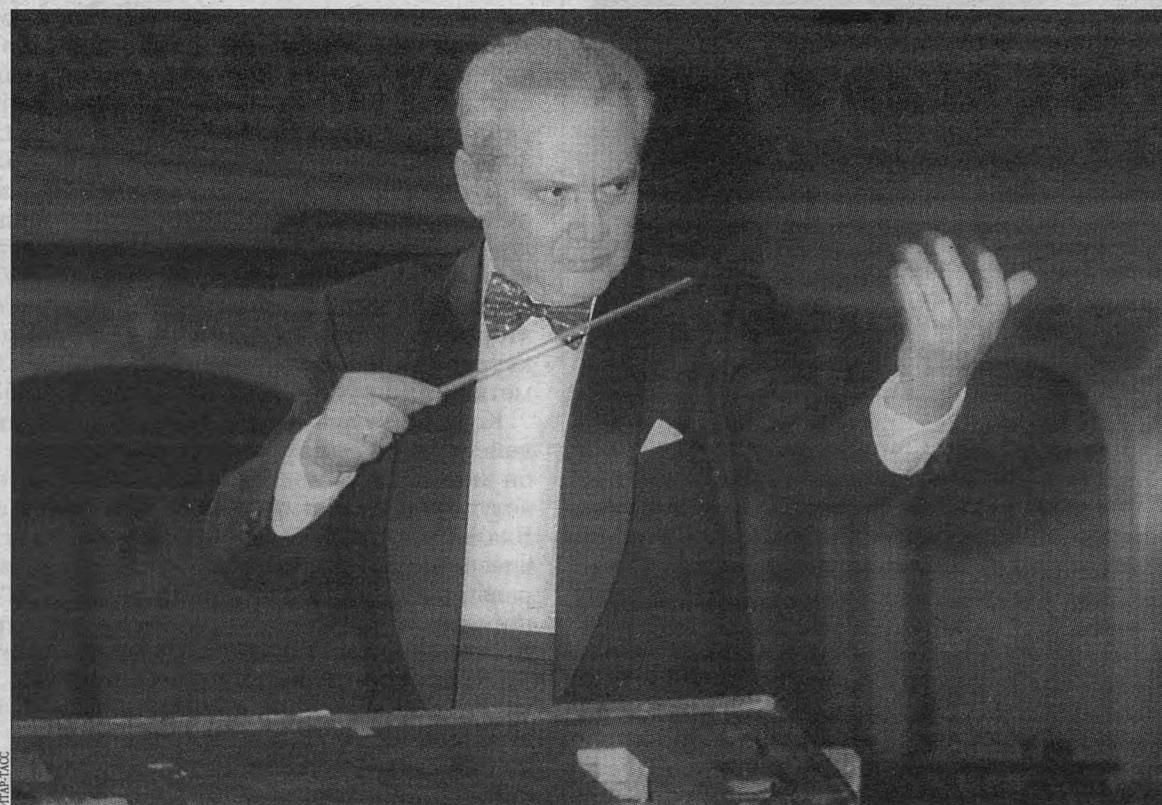
– Это международный конкурс. В 2002 году в Пензе состоялся уже третий. Там очень строгая система – баллы. За каждое (!) произведение ставится балл, и вы сдаете эти баллы в ту самую минуту, когда исполнитель закончил играть! «Верхний» и «нижний» балл не засчитываются. Чтобы никого не могли «засыпать» или «поддержать».

– Вы были членом жюри Конкурса имени Чайковского, проходившего тем же летом. Многие остались недовольны судейством...

– Судейством недовольны всегда. Но нет дыма без огня. Может, дело в том, что... Раньше, например, всегда знали – председатель жюри скрипачей – Давид Федорович Ойстрах. Всё. Нет вариантов. Не стало Ойстраха, возглавлял Коган. Потом был Третьяков. Последние два конкурса, а я в жюри

Россия. – 2003. – 15 июля. – с. 20

Воспитатель самых красивых скрипачек

ИТАР-ТАСС

уже третий раз, мы начали метаться. К тому же система «да – нет», которая была там на всех трех турах, мне непонятна. В жизни много цветов, и сейчас уже никто, наверное, не захочет смотреть черно-белый телевизор.

– На конкурсах имени Беневского и Чайковского первые премии составляют 25 и 20 тысяч долларов. Какая премия на вашем?

– Я не считаю, что на международных конкурсах нужно зарабатывать деньги. Конечно, приятно, когда премии большие. Но Пенза – это все-таки другой масштаб. Сколько было, столько и дали. Первая премия была 3 тысячи долларов.

– Принято ли делиться своей премией с педагогом?

– Знаю, что очень многие это делают. Поверьте, ни в коем случае не хочу выглядеть «святым», но я ни разу не принял подобного предложения. У ребят же ничего нет.

– Инструменты очень дорогие...

– Все стоит денег – и страхование инструмента в Госколлекции, и его аренда. При СССР мы выезжали на конкурс, и нам бесплатно выдавали – лучшие. Сейчас, когда нужно готовиться к конкурсу, мы пишем письмо и арендуем инструменты через филармонию или консерваторию. Но если кто-то хочет постоянно играть на коллекционном инструменте, то платит сам. Аренда Страдивари может стоить несколько тысяч долларов в год.

– Говорят, на Конкурсе имени Чайковского с инструментами для наших участников было напряженно...

– Государство просто их не выдало! Мой ученице Токаревой дали в конце кон-

цов инструмент, но когда?! За два дня до выступления! И не домой. Она в консерватории в классе с охранником занималась! Более того, в другой класс пойти, мне поиграть – тоже с охранником! Это безумие. Раньше, когда на конкурс приезжал советский скрипач, все знали – он будет играть на самом лучшем инструменте! Теперь это привилегия иностранцев.

– Раньше профессора консерватории преподавали и в ЦМШ. Это ваша родная школа... Не хотите набрать там класс?

– Очень хотел бы, но просто не успеваю. И думаю, у нашей исполнительской школы было бы гораздо больше возможностей для воспитания молодых музыкантов, если бы школа вернулась на свое прежнее место, рядом с консерваторией. Тогда профессура могла бы совмещать преподавание там и там (здание Центральной музыкальной школы в Малом Кисловском переулке уже 16 лет (!) находится на капремонте. – Прим. ред.).

– Вы сами откуда?

– Вообще я одессит. Так что мне посчастливилось – хочется надеяться, что я ворвал в себя две основные российские скрипичные школы – одесскую Петра Соломоновича Столярского, у которого учился Давид Ойстрах, и московскую. После эвакуации я приехал в Москву, и все 12 лет моей учебы был у Абрама Ильича Ямпольского.

– Почему вы стали педагогом? Говорят, что преподавание идет в ущерб исполнительской карьере...

– Вот поэтому и хорошо, что я не начал заниматься

педагогикой сразу! Я очень хотел гастролировать, любил играть, любил публику... Потом меня пригласили в консерваторию. Но, думаю, чуть-чуть «передержал». Надо было не в 89-м, а в 79-м начать!

– Некоторые считают, что к вам поступают самые сильные и поэтому у вас самый сильный класс в Московской консерватории.

– Это далеко не всегда так. Однажды декан даже спросила меня: «Ну почему вы так отстаиваете эту девочку?» Потом та девочка стала одной из лучших на курсе.

– А наоборот бывает, когда все поначалу «ах!», а потом?..

– Безусловно. «Вырасти» очень сложно. А «вырасти», удержаться и все время развиваться еще сложнее. У нас ничего не бывает раз и на всегда. Наша специальность заставляет работать всю жизнь.

– Слышатся в оркестре какие-нибудь курьезы? Но ты кто-то кому-то подменил, например. Молодежь все-таки...

– Ха-ха. Нет... Правда, я однажды совершенно обалдел, когда, просматривая запись концерта, увидел, что одна скрипачка сидит в чулках! Скинула туфли! Ну потом, конечно, у нас было выяснение отношений.

– Вы следите за внешним видом оркестрантов?

– Обязательно. Недаром говорят, что у нас, помимо всего прочего, и красивый оркестр.

– Кроме оркестра, ребята где-нибудь работают?

– Нет, нет. Вероятно, приходится в каких-нибудь халтурах участвовать. Я пре-

красно их понимаю – они получают только за концерты от филармонии. Это крохи. Дело в том, что мы до сих пор не являемся государственным оркестром. А обещания Министерства культуры взять нас под свое крыло пока не сбываются. Поверьте, это не моя нескромность – наш оркестр в какой-то степени уникальный. Не думаю, что где-то еще есть такое количество лауреатов международных конкурсов и таких ярких солистов. И главное, что это молодежь, которой еще не надоела музыка. Они «не отыгают» свой номер... Но все же верю, что когда-нибудь деньги перестанут быть главной проблемой. Пора понять, что серьезная музыка вряд ли может приносить прибыль. Кроме того, музыка должна быть доступна. И не только «тусовке».

– Девочек у вас в оркестре больше, чем мальчиков?

– Сейчас нет. Вот два года назад группа «первых скрипачей» была группой «первых скрипачек»!

– Бывало, чтобы кто-то влюбился в девушку прямо на сцене?

В разговор вступает с пруга Эдуарда Давидовича пианистка Валентина Василенко:

– В основном так и бывает! Причем мужья очень ревнуют к оркестру. «А нет! Она там работать не будет». И уводят. К нам часто приходят на концерт и говорят: «У вас на сцене – одни красавицы! Раньше мы их как-то не замечали...»

Э. Д. перебивает:

– Они и в жизни красавицы!

– А где вы познакомились со своей женой?

– В консерватории! Валентина Павловна пианистка, я предложил ей работать в моем классе. И так случилось, что мы стали мужем и женой и вместе уже почти 13 лет. Она аккомпанирует мне, моим студентам. Еще на ней заботы по дому. Она кормить меня должна!

– У вас есть дети?

– Обычих нет. У меня двое детей от предыдущего брака. Сын Женя – скрипач. Очень хороший. Ему уже за 40. Сразу скажу – учился не у меня! Учить своих детей нельзя. Когда он занимался, я, чтобы не кричать и с ума не сходить, убегал из дома!

– Теперь Женя один из концертмейстеров Лондонского симфонического оркестра. Дочь Лена не музыкант. Живет в Москве, но мы редко видимся, к моему большому сожалению... Хотя я всегда хотел и хочу дружить с ней.

– Что дает вам музыка?

– После удачного концерта мы приходим домой с Валей, я переписываю на видео то, что записано. Мы просматриваем, вместе сидим... Это самое счастливое время. Если удачный концерт, пожалуй, забываешь все.

Беседовала Василиса Пьявко